

Сергей Шаповалов

Император. Книга первая. Павел

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

Император. Книга первая. Павел / Шаповалов С. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 272 с.

ISBN 978-5-532-93130-5

Исторический роман "Император" открывает первая книга, рассказывающая о конце царствования императрицы Екатерины. На престол всходит новый император Павел Первый. Россию ждут большие перемены. Сын ненавидит всё, созданное матерью, но в то же время опасается могущественной государственной машины, устроенной Екатериной. Интриги, борьба за власть, новые лица в управлении огромной, неповоротливой Россией.

Попутчик

Уж так сложилась судьба. Я покинул отеческий дом, когда мне едва исполнилось четырнадцать. Отец мой, капитан от инфантерии, Добров Иван Иванович скончался от ран, полученных в Шведской компании. У Керникоски, весной, года одна тысяча семьсот девяностого он командовал ротой гренадёров гвардии Семёновского полка, где и был исколот штыками. Хоть батюшка мой и выжил после боя, но протянул недолго. От него осталось небольшое имение в Новгородской губернии с ветхой усадьбой, пашней в три десятины и куском болотистого леса. В подчинение две деревеньки, да около сорока душ крепостных. Доходы от имения были невелики, отчего семья наша еле сводила концы с концами. Семья моя: мама, Инна Вольговна, урождённая Кейр и трое моих младших братьев.

Дед мой по матери, обнищавший шотландский дворянин попал в Россию при Петре Великом, когда государь молодой Российской империи нанимал иностранцев и платил им щедро. Дед служил в армии мушкетёром, сгинул где-то в Персидском походе. По отцу предки шли ещё со стрельцов, но никогда не добивались высоких должностей, посему род считался бедным.

Дела наши после холодного неурожайного лета становились все хуже и хуже. Уж не знаю, что со мной было бы дальше. Возможно, я поступил бы на службу писарем в Новгородскую управу, или же другой какой мелкий чин получил. Но случилось так, что меня призвал к себе наш предводитель дворянства и сообщил, что благодаря героическим заслугам моего отца, я был ещё десять лет назад приписан на действительную службу в гвардии Семёновский полк. По малолетству, как тогда водилось, отправлен в учебный отпуск. И если мне будет угодно, я могу прибыть в Санкт-Петербург и восстановиться на службу.

В Петербург! В гвардию! Да разве мог я о таком мечтать!

Вот это – счастье подвалило! Я, недоросль из бедных шляхтичей – и в гвардию! Есть в мире высшая справедливость! Есть Бог!

Предводитель местного дворянства, добрейший человек, одолжил мне пятьдесят рублей ассигнациями на дорогу и вручил рекомендательное письмо.

Долгих сборов не понадобилось. Я надел отцовский потёртый сюртук, натянул отцовские истоптанные ботфорты, на голову – старую отцовскую треуголку с потрёпанными перьями, на пояс – его боевую шпагу. Братьям наказал беречь маму. Мама всплакнула, перекрестила на дорогу и отпустила с Богом.

И вот я, Семён Иванович Добров, пустился в первое моё странствие из глухого губернского закоулка Новгородской губернии в сияющий Петербург.

Дорога оказалась не из лёгких: поздняя осень, раскисшие дороги, холодные почтовые станции, где я просиживал долгие часы в ожидании экипажей с нарочными курьерами. Но меня согревала мечта о светлом красивом городе и о моей будущей службе. Я представлял себе военные парады. Я – гвардеец в красивом мундире. Дальние походы со славными батальями.... Чем только я не грезил, сидя в убогих харчевнях при почтовых станциях или трясясь в неудобных казённых экипажах.

Нудное, длинное моё странствие подходило к концу, когда произошла неожиданная встреча, которая перевернула всю мою дальнейшую судьбу.

* * *

Широкая ровная дорога, усыпанная пожухшей листвой, уходила вдаль к далёким пологим холмам, разрезая лес. Позвякивали бубенцы. Двойка неказистых серых лошадок тащила почтовую карету с маленькими окошками. Стекла серые от дорожной грязи. Кучер иногда покрикивал на лошадей. Колеса на оси жалобно поскрипывали, убаюкивая меня.

– Стой, стой! – послышалось снаружи.

Карета остановилась.

– Далеко до Гатчинского замка? – спросил сильный мужской голос.

– Вёрст десять, ваше благородие, – ответил кучер. – Вам в Гатчину надо?

– Нет! Упаси боже, – ответил незнакомец. – А станция с трактиром есть поблизости?

– Так, в полуверсты.

– Подвезёшь за пятак? У моей кареты колесо слетело.

Пока кузнец возится, я, хотя бы, пообедаю.

– Садитесь, ваше благородие. – Кучер прыгнул с козелков и любезно распахнул дверцу. – Я нынче налегке. Только мешок с письмами, да недоросль подсел на предыдущей станции.

Согнувшись, в карету втиснулся офицер. Плюхнулся на жёсткое сиденье, толкнув локтем мешок с письмами. Офицер был высок, складен, но слегка худощав. Белокурые волосы были завиты буками на висках, а сзади стянуты в плотную косичку, повязанную чёрной шёлковой ленточкой. Бледная кожа на чисто выбритых щеках. Холодный, немного надменный взгляд выдавал в нем потомственного аристократа. Дорогой бархатный камзол темно-синего цвета с двумя рядами серебряных пуговиц небрежно расстегнут, открывая белоснежную сорочку с шёлковым галстуком. Галстук скрепляла на горле золотая брошь с изумрудами. На руках тонкие кожаные перчатки. Трость с массивным серебряным набалдашником.

– Моё почтение! Панин, Никита Петрович, – представился он. – С кем имею честь путешествовать?

– Добров, Семён Иванович, – ответил я. – Из Новгородской губернии. Шляхтич.

– Ну, это понятно, что дворянин, по вашей шпаге, сударь, да по лицу. А что лицо-то такое чумазое? – недовольно спросил он тоном, привыкшим командовать.

– А, это... нынче у печки спал в почтовой гостинице, – смущаясь, ответил я. – А печку углём топили. Коптила несносно. Чуть не угорел.

– Куда же путь держите? – поинтересовался офицер.

– В Петербург.

– И что вас туда потянуло? Вы один путешествуете?

– Один, – ответил я. – Желаю поступить на службу. С малолетства приписан к полку.

– А, понятно, – разочарованно протянул офицер. – Знакомая история. Младенцев приписывают к полку рядовыми, затем отсылают в учебный отпуск, а звание им повышают регулярно.

– Так, точно-с, – вынужден был согласиться я, хотя его насмешливый тон мне не понравился.

– Ох, не люблю я этих младенцев – рядовых, – честно признался офицер, строго взглянув на меня. – Сидели бы дома. Вас и так в чине бы повысили.

Я промолчал. Знал бы он, отчего я трясусь какую уже неделю по осенним дорогам. Ему-то что? Вон, камзол какой красивый. Одна пуговица стоит, наверное, рублей пять. А сапоги. Я таких хороших сапог сроду не видывал. Подумаешь, выискался правдоборец.

– К какому, хоть, полку приписаны, вы, безусый юнец? – вновь обратился ко мне попутчик с лёгким презрением.

– К Семёновскому, – нехотя ответил я.

– К Семёновскому? – возмущённо воскликнул офицер. – Так вы ещё и гвардеец? Тогда я должен снять перед вами шляпу.

– Довольно вам смеяться надо мной! – Во мне вскипела обида. – Я же не виноват, что меня отец приписал к гвардейскому полку. А сидеть дома я нынче не могу.

– И почему же? Кровь играет? На подвиги тянет? Скука в глуши заела?

– Семья наша, хоть из древнего шляхетского рода, но бедная. У меня трое младших братьев. Не желаю быть обузой для матери...

– Станция! – прервал кучер мои жаркие объяснения. Карета остановилась.

Офицер тут же выскочил наружу, недослушав меня. Я вылез следом, разминая затёкшие, от долгого сидения, ноги.

Перед нами предстал косой почерневший бревенчатый сруб с маленькими окошками. Из трубы валил дымок. Двор грязный, без забора. На дощатый нужник – просто противно смотреть. Конюшня из жиденьких жердей, и смердело оттуда несносно. В конюшне помимо почтовых, перекладных лошадей стояли высокие армейские кони, лениво жевали овёс. В углу свалены в кучу седла. На ржавом

гвозде, наискось вбитом в стену, висел перемёт с двумя штуцерами в чехлах.

Из станции взрывами доносился хохот, и чей-то высокий голос визгливо читал стихи. Слов не разобрать, но что-то весёлое. Распахнулась дверь. Выбежал кругленький, простоволосый хозяин в засаленной косоворотке и льняном фартуке.

– Ваше благородие, желаете отдохнуть? – заискивающе спросил он.

– А что у тебя там за шум? – спросил мой попутчик.

– Господа офицеры из отпуска возвращаются. Вот, празднуют.

Панин ещё раз взглянул на лошадей.

– Гвардейцы?

– Так точно-с. Не желаете пройти в гостиницу?

Не желаю, – решительно ответил Панин. – Терпеть не могу эту пьянь гвардейскую.

– А как же тогда? – растерялся хозяин станции. – Откушать, винца испить?

– Вот что.... – Панин по-хозяйски огляделся, заметил несколько бочек. Одна большая стояла вверх дном. – Принеси-ка мне водочки хорошей вот сюда, – указал он на бочку. – Да на закуску – огурцов солёных. И что там у тебя ещё есть: сало, хлеба ржаного, мёд неси.... Давай, живо.

Ишь, как распоряжается, подумал я. Сразу видно, из высоких чинов. Эх, сапоги на нем ладные, из мягкой кожи скроены. Сюртук весь канителью расшит.

– Сию секунду, – поклонился хозяин и быстро побежал обратно.

Никита Петрович, как представился мой попутчик, подошёл к бочке, смахнул скрюченные дубовые листья. Косо посмотрел на меня. Я демонстративно отвернулся.

– Подите сюда, гвардеец. Вы уж не обижайтесь на меня. Нрав у меня такой, крутой. Ну что я поделаю? – вдруг дружелюбно сказал он.

Я нехотя подошёл.

– Так что, Семён из Семёновского полка, поведайте все же, на кой ляд вам эта служба? Думаете, жалование дадут большое? Так оно у

вас все на обмундирование уйдёт, да на попойки. Вон, слышите, как гвардейцы отдыхают?

Из станции вновь выкатился хозяин с подносом, уставленным снедью. Подбежал, поставил поднос на бочку. В две стеклянных рюмочки налил водки.

– Семён Иванович, прошу вас, – указал на рюмки Панин.

– Простите, но мне ещё рано, – попробовал отказаться я. Никогда в жизни не пил водки. Вино – и то один бокал по великим праздникам.

– Гвардейцу никогда не рано. Коль попали в Петербург, все равно начнёте.

Панин проглотил стопку, поморщился и захрустел солёным огурцом. Что ж, надо приучать себя к столичной жизни. Как не противилась моя натура, я все же взял рюмку и, подражая своему попутчику, глотнул водку. Она сначала показалась ледяной, потом вдруг вспыхнула огнём у меня в горле. Я чуть не задохнулся, зашёлся кашлем. Панин похлопал меня по спине и сунул в нос краюху ржаного хлеба.

– С боевым крещением вас, сударь, – засмеялся он. – Я, пожалуй, ещё одну выпью, а вам – достаточно. Вы ешьте, ешьте. Сальца побольше на хлеб кладите.

Панин опрокинул вторую рюмку. Лицо его порозовело и подобрело.

– Так, как, говорите, ваша фамилия?

– Добров. По отцу Иванович.

Постой-ка, – что-то начал вспоминать Он. – Иван Добров. Знакомое имя. Воевал ли где ваш папенька?

– В Шведскую компанию. Был ранен под Керникоской....

– Постой, постой! – воскликнул обрадованно Панин. – Иван Иванович Добров, капитан?

– Так точно-с.

– Господи, да он же для нас, молодых дурней-офицеров отцом родным был! А чего же вы раньше молчали? Эх, вы, скромняга. – Он хлопнул меня по плечу так, что я чуть не подавился. – Да ваш отец – герой! Я же помню, как его изранили в штыковой, – живого места не было. С него тогда сюртук стянули, сукно от крови набухло

– хоть выжимай.... Да, были дела. – Он вновь захрумкал огурцом. – Вот, так встреча! Как нынче Иван Иванович поживает?

– Так, представился, – вздохнул я. – Полгода уж прошло.

От ран все. Болел долго...

Панин изменился в лице, побледнел, выплюнул не дожёванный огурец, снял треуголку и перекрестился:

– Что ж ты, Господи, забираешь самых нужных, да так не вовремя. Пусть земля ему – пухом.

Он оглядел меня по-новому, внимательно, с головы до ног.

– Даже не знаю, как с вами быть, Семён Иванович. Честью офицера обязан о вас заботиться впредь, благодаря памяти вашего батюшки.

– Ну, что вы, – запротестовал я. – Сам способен позаботиться о себе. У меня письмо есть рекомендательное от главы нашего дворянского собрания.

Тут дверь из трактира вновь взвизгнула на петлях, распахнулась и с силой хлопнула о стену. Офицеры в расстёгнутых мундирах, без головных уборов, со шпагами наголо вылетели на двор. Их было человек шесть.

– Драться будете по всем правилам благородного поединка! – громко требовал один из них, низенький капитан в артиллерийском мундире красного сукна. Говорил он с восточным акцентом. Да и сам офицер был горбоносый, с темными глазами навывкат. На вид ему не было ещё двадцати пяти, но держался он лидером этого пьяного сборища.

– Так найдите место для поединка! – широко разевая красный рот, орал высокий гвардеец в синем сюртуке Семёновского полка.

– Господа, господа! – вопил маленький белобрысый гусар в малиновом ментике с золотыми шнурами. Его светлые жиденькие усы смешно топорщились над пухленькими губами. – Подумайте о примирении!

– Идите к черту! – гаркнули на него все разом, и он отступил в сторону.

– Вон там, – решил горбоносый артиллерист, – указывая на место, где мы с Паниным угощались водкой, и уверенно двинулся вперёд, увлекая за собой пьяных товарищей.

Мне это не понравилось. На всякий случай я поправил шпагу на поясе, чтобы удобней было её вытянуть из ножен.

– О, Господи, что же это будет? – испугался хозяин трактира. – Они же поубивают друг друга, – с мольбой обратился он к Панину: – Ваше благородие, успокойте их.

– Да и пусть поубивают, – безразлично ответил Панин. – Мне эту пьянь гвардейскую не жалко.

– Господа, – между тем обратился горбоносый артиллерист к нам. – Не могли бы вы очистить поляну. У нас здесь будет проходить честный поединок.

Я с тревогой взглянул на Панина. Но тот не сдвинулся с места, даже не взглянул в сторону артиллериста. Чётко выговаривая каждую букву, громко сказал:

– Пошёл вон, скотина!

Пьяные офицеры замерли, соображая: им не послышалось? Их назвали скотиной? Это как вообще можно? Это кто такое дозволил? Первым опомнился артиллерист с кавказским носом. Он, неистово сверкнул темно-карими глазами и негодуя произнёс:

– Позвольте узнать, сударь, вы меня назвали скотиной?

– Тебя и твою пьяную компашку, – холодно ответил Панин, развернулся и взглянул артиллеристу прямо в лицо.

– Я князь! – выкрикнул артиллерист. – Леван Яшвиль. И не позволю...

– Может вы и князь, когда трезвый. А сейчас – свинья, – холодно прервал его Панин.

– С кем имею честь?

– Бригадир Панин, Никита Петрович. Достаточно, капитан?

– Ваше звание не даёт вам право так со мной разговаривать. Вы не смеете меня оскорблять. Я – князь.

– Поединок?

– Прямо здесь!

– Вызываете?